

права; отв. ред. С.С. Алексеев. Москва: Статут, 2011. С. 130–172.

4. Цивільний кодекс України: Науково-практичний коментар (пояснення, тлумачення, рекомендації з використанням позицій вищих судових інстанцій, Міністерства юстиції, науковців, фахівців). Харків: ФО-П Колісник А.А., 2010. Т. 3: Юридична особа / за ред. проф. І.В. Спасибо-Фатєєвої. 736 с.

5. Корпоративное право: Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. Москва: Юрайт, 2009. 678 с.

6. Judge S. Business Law. Macmillan Press Ltd. 1995. 545 p.

7. Могилевский С.Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. Москва: Статут, 2010. 421 с.

8. Пахомова Н.Н. Цивилистическая теория корпоративных отношений. Екатеринбург: Налоги и финансовое право, 2005. 336 с.

9. Новоселова Л.А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. *Объекты гражданского оборота*: сб. ст. / отв. ред. М.А. Рожкова. Москва: Статут, 2007. С. 197–230.

10. Оцел В.Г. Цивільно-правове регулювання припинення участі в товаристві з обмеженою відповідальністю: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.03 / НАН України; Ін-т держави і права ім. В.М. Корецького. Київ, 2017. 243 с.

11. Степанов Д.А. Общества с ограниченной ответственностью: законодательство и практика. *Хозяйство и право*. 2000. № 12. С. 54–65.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кулаков Виталий Викторович – соискатель кафедры гражданского права и процесса факультета № 6 Харьковского национального университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kulakov Vitaliy Viktorovich – Applicant at the Department of Civil Law and Procedure of the Faculty No. 6 of Kharkiv National University of Internal Affairs

zhornokuy.ym@gmail.com

УДК 343.1:65.012.8

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА РАБОТЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ С КОНФИДЕНТАМИ

Александр МАНЖАЙ,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры информационных технологий и кибербезопасности
факультета № 4 Харьковского национального университета внутренних дел

Вадим ДАВЫДЮК,

кандидат юридических наук,
докторант кафедры оперативно-розыскной деятельности и раскрытия
преступлений факультета № 2
Харьковского национального университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются отдельные вопросы конфиденциального сотрудничества лиц с правоохранительными органами в разных странах. Рассматриваются категории конфиденентов, выделяемые в англоязычных странах (США, Великобритании, Канаде) и Российской Федерации. Раскрывается общее содержание контроля за работой конфиденентов. Описаны отдельные особенности и проблемные моменты, возникающие в работе с конфиденентами в разных странах. Анализируются мотивы, которыми руководствуются лица, согласившиеся на негласное сотрудничество с правоохранительными органами. Обозначаются некоторые особенности вознаграждения конфиденентов за выполнение задач противодействия преступности. Делается вывод, что в более демократических странах вопросы конфиденциального сотрудничества детальнее урегулированы в открытых нормативно-правовых актах, и, соответственно, более часто освещаются в научной литературе.

Ключевые слова: зарубежный опыт, конфиденент, негласная работа, правоохранительные органы, противодействие преступности.

SOME ASPECTS OF FOREIGN EXPERIENCE OF LAW-ENFORCEMENT AUTHORITIES WITH COVERT HUMAN INTELLIGENCE SOURCES

Aleksandr MANZHAY,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Information Technologies and Cybersecurity of Faculty № 4 of Kharkiv National University of Internal Affairs

Vadim DAVYDYUK,

Candidate of Law Sciences, Doctoral Candidate at the Department of Operative and Search Activity and Crime Detection of Faculty № 2 of Kharkiv National University of Internal Affairs

SUMMARY

In the article the separate questions of confidential person's collaboration with law-enforcement authorities in different countries are analyzed. The categories of covert human intelligence sources (CHIS), selected in the English-language countries (USA, Great Britain, Canada) and Russian Federation are examined. General matter of the CHIS control is exposed. Separate features and problem moments, arising up in-process with CHIS managing in different countries, are designated. Reasons, which are followed by persons, agreeing to the covert collaboration with law-enforcement authorities, are analyzed. Some features of CHIS rewards for implementation of criminality counteraction tasks are designated. Drawn a conclusion, that in more democratic countries the questions of confidential collaboration are more detailed well-regulated in the opened normatively-legal acts, and accordingly more frequently light up in scientific literature.

Key words: foreign experience, covert human intelligence sources, undercover work, law-enforcement authorities, criminality counteraction.

Постановка проблемы. В своей повседневной оперативно-служебной деятельности полицейские подразделения часто полагаются на помощь представителей общественности в предупреждении, пресечении и расследовании преступлений. Такие лица могут предоставлять информацию анонимно, гласно или негласно. Эти факторы влияют на их статус в процессе противодействия преступности.

Многовековая практика розыскной деятельности, пишет А. Кислый, неопровержимо подтвердила приоритетность содействия граждан оперативным подразделениям среди прочих видов оперативно-розыскной деятельности. Наиболее коварные замыслы, преступные действия и лица, их совершающие, разоблачались преимущественно с использованием агенты и других категорий лиц, которые способствовали правоохранительным ведомствам. Незаурядной является их роль в осуществлении отдельных оперативно-розыскных мероприятий, проведении оперативной проверки (разработки), розыске преступников, похищенного имущества и т.п. [1, с. 39].

Как показывает практика, работа с конфидентами не является какой-то особенной деятельностью, присущей правоохранительной системе одной страны. Она предусмотрена законодательством многих стран мира и является эффективным орудием противодействия латентной преступности. Проведение сравнительного анализа работы с конфидентами в разных странах является важным этапом на пути сущностного понимания института негласного сотрудничества.

Актуальность темы исследования. Несмотря на повсеместное развитие технической составляющей в противодействии преступности, роль конфидентов в решении этой задачи остаётся традиционно высокой. Общественные отношения, являющиеся необходимым элементом преступной деятельности, предполагают общение между индивидуумами. Существование человеческого фактора, в свою очередь, обеспечивает поток информации, который способны воспринять конфиденты и передать его правоохранительным органам. Такое взаимодействие можно наблюдать и из открытых источников. Среди прочего на примере США

можно проследить тенденцию к увеличению использования сведений, предоставленных информаторами, в качестве оснований для проведения мероприятий, требующих судебного санкционирования [2, с. 4]. Изучение международного опыта работы с конфидентами позволяет усовершенствовать такую деятельность на национальном уровне. Все это подтверждает актуальность выбранной темы исследования.

Состояние исследования. Исследование института конфиденциального сотрудничества проводилось многими учёными как на исключительно теоретическом уровне, так и в контексте его практического применения. На начальных этапах соответствующего научного поиска такие работы имели преимущественно закрытый характер, однако с ростом прозрачности государственных правоохранительных систем стало появляться все больше работ открытого характера. Также постепенно происходит нормативное урегулирование работы с конфидентами в открытых актах, что способствует заинтересованности юристов этой важной темой. Соответствующие вопросы поднимались в работах С. Албула, К. Антонова, В. Аتماжитова, А. Бандурки, В. Боброва, Б. Богданова, О. Бочковского, Д. Гребельского, К. Горяинова, М. Грибова, А. Долженкова, В. Захарова, М. Иннеса, А. Кислого, И. Козаченко, А. Лекаря, В. Лукашова, А. Манжая, Г. Маркса, В. Некрасова, Д. Никифорчука, Н. Перепелицы, М. Погорецкого, Ж. Росс, Н. Стащак, Ю. Черкасова, В. Шендрика, И. Шинкаренко и многих других авторов. Вместе с тем следует отметить, что быстрое развитие института негласного сотрудничества в мире обуславливает потерю актуальности отдельных существующих положений уже проведённого научного поиска. Поэтому исследование института негласного сотрудничества, особенно его компаративной части, на современном этапе должно проводиться с учётом текущих изменений в законодательстве, а также новых идей учёных и практиков.

Целью и задачей данной статьи является проведение сравнительного анализа работы с конфидентами в разных странах для более глубокого понимания этого института негласной работы правоохранительных органов.

Изложение основного материала.

В настоящее время в мире используются различные подходы к классификации конфидентов. Это связано с системой негласной работы, которая существует на той или иной территории, а также национальными традициями. Прежде всего специальные силы оперативно-розыскной деятельности за рубежом принято делить на категории в зависимости от поставленных перед ними целей и решаемых задач. При этом в государствах с признаками авторитаризма нормативно-правовое регулирование использования конфидентов в открытой нормативно-правовой базе часто отсутствует или упоминается косвенно. Поэтому и классифицировать конфидентов в таких странах возможно только исходя из трудов отдельных исследователей, сталкивавшихся с соответствующими вопросами напрямую. Рассмотрим на нескольких примерах, каким образом происходит разделение конфидентов по категориям.

ВСША принято разделять лиц, которые лишь предоставляют информацию о преступной деятельности (informers), и тех, которые её целенаправленно ищут (confidential informants). Также в качестве классификационного признака может быть использовано участие информатора в противоправной активности. В последнем случае выделяют криминальных информаторов (criminal informants) и некриминальных, которые также называются источниками (sources). Ещё одним критерием классификации специальных сил является уровень профессионализма. Поэтому могут выделяться профессиональные (participating informants) и непрофессиональные информаторы (amateur informers). В американской Администрации по контролю за соблюдением законодательства о наркотиках информаторов подразделяют на классы: класс 1 – информаторы, которые имеют уголовное прошлое, класс 2 – без такого «опыта» [3, с. 206].

М. Иннес приводит классификацию конфидентов, основанную на введении двух переменных: 1) инсайдер/аутсайдер и 2) конфидент, который сообщает об одном событии/конфидент, который сообщает о многих событиях [4, с. 360].

Вообще нормативное разделение категорий конфиденентов в США, как справедливо отмечает А. Манжай, является достаточно сложным, поскольку каждый субъект оперативно-розыскной деятельности имеет свою терминологию в этой сфере. Тот же автор пишет, что в общем случае в США лица, способствующие правоохранительным органам, делятся на три категории: информаторы или конфиденциальные информаторы, ответчики/свидетели, которые способствуют правоохранительным органам, и источники информации. Среди источников информации выделяют конфиденциальный источник. Для конфиденентов, работающих на ФБР, существует другое название – конфиденциальные человеческие источники. В свою очередь среди конфиденциальных человеческих источников выделяют их специальные виды («авторитетные источники», «высокопоставленные источники» и «привилегированные или масс-медийные источники»). Особой категорией в США являются информаторы ограниченного использования. Во-первых, это лица, которым ещё не исполнилось 18 лет, использование которых разрешается только с письменного согласия родителей или опекунов. Во-вторых, это информаторы, которые были осуждены с отсрочкой приговора или на условный срок, на использование которых требуется более высокий уровень и другой порядок санкционирования [5, с. 26].

В деле информатора отражается важная информация о его личности: его физическое описание; домашний и рабочий адрес; данные о водительских правах; контактные телефоны; данные о ближайших родственниках; фотография информатора; отпечатки пальцев; договорные обязательства и привилегии, а также сроки таких обязательств и привилегий информатору; статьи, по которым был осуждён, если таковые имеются, и т. д. [6, с. 215].

В США конфиденентов могут использовать не только в традиционных для них сферах деятельности. Одним из направлений такого использования является реализация доктрины Consent Once Removed Doctrine (CORD), которая заключается в том, что офицер под прикрытием или источник, которому дали согласие на вход в помещение его

жители, может пригласить в дом правоохранителей для проведения ареста и фиксации правонарушения без предварительного получения соответствующего решения суда [7, с. 1569–1570]. Указанная ситуация нередко приводит к дискуссии по поводу нарушения конфиденентами права на приватность. В США основанием для таких дискуссий является норма, предусмотренная Четвертой поправкой к Конституции США, которая гарантирует неприкосновенность частной жизни [8; 9].

Следует отметить, что в США, несмотря на мощную правоохранительную систему, качество конфиденентов не всегда находится на высоком уровне. Опираясь на опыт американских правоохранительных органов, П. Ребейл отмечает, что конфидененты часто сами являются преступниками, наркоманами и даже патологическими лжецами. В упомянутом контексте автор приводит описание типичного информатора в сфере наркопреступности, предоставленное одним из прокуроров. Прокурор называет таких информаторов ребятами, которые только что приобрели наркотики, после чего были остановлены правоохранительными органами, и готовы предоставить информацию в обмен на избежание наказания за хранение наркотических средств [9, с. 712].

Что касается национальных различий в работе с конфиденентами, то можно привести пример Канады, где дополнительно выделяют такую категорию конфиденентов, как обличитель (delator) или королевский свидетель (crown witness). Указанная категория лиц даёт показания в суде в обмен на денежное вознаграждение или уменьшение срока заключения. В отличие от информаторов, обличители не работают под прикрытием и на них не распространяется заранее оговорённый иммунитет за совершение правонарушений [10, с. 1515].

В некоторой степени указанная категория аналогична американскому сотрудничающему свидетелю, но сотрудничающий свидетель может работать под прикрытием. И. Мусиенко и Е. Гречин также отмечают разницу между сотрудничающим свидетелем и информаторами, которая заключается в том, что, в отличие от тайных информаторов, сотрудничающие сви-

детели должны свидетельствовать во время судебного производства. Именно в этом часто и заключается вся разница между свидетелем и информатором. Свидетелей часто используют как оперативников в длительных расследованиях под прикрытием. Обычно такие свидетели заключают с заместителем прокурора или государственным прокурором письменные соглашения, в которых определены их обязанности и ожидания от будущего судебного производства или рассмотрения дела. Их помощь и сотрудничество со следствием может сократить срок их заключения или вообще привести к снятию с них обвинений. Как и тайные информаторы, свидетели, которые сотрудничают со следствием, часто могут долго работать под прикрытием в ходе следствия. В общем, можно предположить, что почти все подобные свидетели являются преступниками, которым тоже предъявлено обвинение. Они фактически работают за свою свободу. Если они не предоставят следствию информацию, которая поможет арестовать преступников или захватить денежные средства или имущество, они, скорее всего, попадут за решётку [11, с. 135].

Российские исследователи определяют такую классификацию конфиденентов в своей стране: 1) доверенное лицо – человек, не состоящий в штате оперативно-розыскного органа, который в соответствии с законодательством об оперативно-розыскной деятельности добровольно и практически бесплатно предоставляет информацию, представляющую оперативный интерес, должностному лицу оперативно-розыскного органа или иным способом оказывает содействие в решении задач оперативно-розыскной деятельности; 2) содержатель явочной квартиры – лицо, которое, являясь собственником (ответственным квартиросъёмщиком) отдельного жилого помещения, добровольно на условиях конспирации и обусловленной оплаты предоставляет его должностным лицам оперативно-розыскных органов и другим субъектам оперативно-розыскной деятельности для конспиративных встреч; 3) конфидент-контрактник (агент) – лицо, не являющееся штатным работником оперативно-розыскного органа, которое в соответствии с оперативно-

розыскным законодательством заключило контракт со взаимными правами и обязанностями с данным органом по инициативе и решению последнего о конфиденциальном постоянном сотрудничестве для достижения целей и решения задач, предусмотренных законодательством, регулирующим оперативно-розыскную деятельность; 4) резидент – уполномоченное лицо, руководящее агентурной сетью и направляющее её работу в пределах определённого региона [12, с. 68].

В государственных режимах с мощной клерикальной составляющей существует своя специфика работы с конфиденциантами. Так, например, в исламских государствах особый отпечаток на негласную работу накладывают нормы Корана и другие религиозные тексты. Р. Рахимзода по этому поводу замечает, что для обоснования допустимости использования информаторов с целью противодействия преступности и обеспечения безопасности общества и государства мусульманские юристы приводят отдельные ояты Корана, толкуя их достаточно рационально [13, с. 89].

У. Ходжаев утверждает, что использование информаторов и конфиденциальных источников – наиболее противоречивый и сложный вопрос в мусульманском праве. С одной стороны, доносительство считается аморальным поведением, а с другой – существует необходимость предупреждения преступлений и сохранения общественного порядка. По мнению мусульманских правоведов, помощь «в благочестии и богобоязненности» и является помощью в борьбе с преступностью и обеспечении безопасности общества и государства. Такое содействие, по их мнению, может быть предоставлено в различных формах: путём сотрудничества с органами власти в целях «предотвращения зла», предотвращением зла лично и тому подобное. А форма сотрудничества может быть любая: сообщение о совершении преступления (зла) по телефону, написание письма, личные разовые встречи с представителями власти, длительное гласное и негласное сотрудничество с органами правопорядка [14, с. 156].

В Великобритании для обозначения человеческих источников используется термин «негласный человеческий

разведывательный источник» (covert human intelligence source). Среди прочих в состав этой категории лиц входят информаторы. В британской полицейской науке под информатором понимают физическое лицо, предоставляющее информацию о преступлении или лицах, связанных с преступлением (не в качестве показаний свидетеля), эта информация предоставляется добровольно, за вознаграждение или без такового, а само лицо, предоставляющее информацию, может рассчитывать на неразглашение своих личных данных [4, с. 360]. При этом принято выделять информаторов и контакты. Контактom является лицо, которое в силу своей профессиональной позиции имеет возможность предоставлять полиции полезную информацию [4, с. 361]. Указанное разделение, очевидно, было использовано при проектировании дефиниций отечественных приказов в сфере оперативно-розыскной деятельности, в том числе и в части терминологического аппарата.

Авторы монографии «Оперативно-розыскная компаративистика» [6, с. 229–230] отмечают, что в деле источника (за исключением дел офицеров под прикрытием, для которых существует особый порядок ведения дела) указываются: оперативный псевдоним источника без указания сведений, раскрывающих его настоящую личность; настоящие личные данные источника (эти данные могут быть предоставлены исключительно лицам, которым разрешено с ними знакомиться в соответствии с законом); сведения о сфере применения источника (например, в борьбе с наркобизнесом), все санкции (в случае необходимости) на использование источника, управление им, продление срока его использования и т.д.; риск разоблачения источника; сведения о дате и обстоятельствах вербовки (в случае необходимости); личные данные руководителя и лица, контролирующего использование источника (контролёра); сведения о всех контактах источника с государственным органом, у которого он находится в связи; подробная информация о задачах, которые поручались источнику его руководителем и/или контролёром; записи о всех сведениях, предоставленных источником; записи о разведывательной пригодности этой информации; замечания

к работе источника и предоставленной им информации; сведения о материальном вознаграждении или других выгодах (например, смягчение наказания в случае, если источником было совершено преступление), которые получил источник за сотрудничество; любая информация, касающаяся безопасности источника, которая может повлиять на правомерность его использования и подтверждения того, что эта информация была рассмотрена соответствующим офицером и на её основании принято решение; основания для отказа в выдаче санкции на использование или продолжение использования источника.

Работу с конфиденциантами в Великобритании курирует специальный контролёр, который занимает должность Детектива-инспектора. Указанное лицо согласовывает встречи с конфиденциантом и осуществляет общий контроль отношений между конфиденциантом и его руководителем. Выше в цепочке находится Дивизионный уголовный менеджер, который осуществляет контроль за информаторами по линии работы и санкционирует проведение им выплат. Отдельное лицо – Детектив-суперинтендант заведует реестром всех информаторов [4, с. 370–371].

Вообще вопрос контроля конфиденциантов является крайне важным с точки зрения уменьшения рисков и обеспечения безопасности оперативных подразделений. И как отмечает Г. Маркс, контроль за конфиденциантом является сложной задачей. Среди причин этого автор среди прочего называет крайне редкое присутствие информаторов в судебных заседаниях и необязательность свидетельствования информатора в суде [15, с. 416].

Мексиканские учёные на примере изучения опыта полицейской деятельности своей страны подчёркивают, что не существует конфиденциантов широкого профиля. Соответствующие специализации включают торговлю наркотиками, торговлю людьми, автоугоны и т.п. Соответственно, для каждой специализации существуют свои методы контроля со стороны правоохранительных органов, которые часто применяются в комплексе [16, с. 122–123]. Описанные методы контроля подразделяются на:

1. Не содержащие угрозы наступления негативных последствий:

финансовый (в Мексике информатор может получить или денежное вознаграждение, или часть средств, конфиденциальных по результатам его сотрудничества); моральный, основанный на внутренних убеждениях информатора, например, не участвовать в насильственных или наркопреступлениях и т.п.; эмоциональный, который предполагает определённую эмоциональную связь информатора и правоохранителя, благодаря которому правоохранитель выступает как бы защитником информатора.

2. Содержащих угрозу наступления негативных последствий: содействие в защите от кого-то. При этом взамен получается информация оперативно-розыскного характера. Такой метод контроля часто применяется совместно с ранее приведённым эмоциональным; разрешительный, который заключается в непринятии мер правоохранительными органами в отношении отдельных видов неправомерной деятельности лица, предоставившего правоохранителям оперативно значимую информацию; принудительный предусматривает запугивание информатора.

Вторая группа методов наиболее часто стимулирует получение правоохранительными органами недостоверной информации из-за необходимости предоставления хотя бы какой-то информации информатором во избежание негативных последствий.

Как показывает зарубежная и отечественная практика, мотивами для согласия лица на сотрудничество с правоохранительными органами, как правило, становятся получение материальной выгоды или возможность избежать уголовного наказания. В то же время зарубежные исследователи именно последний мотив называют встречающимся чаще всего [17, с. 618]. Такое утверждение не совсем согласуется с результатами проведённого нами опроса украинских оперативных сотрудников, однако данная ситуация возможна из-за разницы менталитета, уровня доходов, организации правоохранительной системы и т.д.

В странах Европы и США основная масса информаторов в той или иной форме получает материальную выгоду от сотрудничества с правоохранительными органами. Причём наблюдается тенденция к увеличению

ассигнований на работу с конфиденциантами. Значительное увеличение выплат в США в 90-х годах XX в., по утверждению Г. Маркса, даже привело к появлению нового класса – суперинформаторов [18, с. 200].

Интересно отметить, что при выплате вознаграждения информаторам британским полицейским рекомендуют выплачивать его мелкими купюрами, что делает его визуально больше и на подсознательном уровне влияет на уровень удовлетворения информатора полученной наградой [4, с. 375].

Выводы. В результате проведённого анализа удалось сравнить отдельные аспекты работы с конфиденциантами в ряде стран. В целом общие черты организации работы с конфиденциантами схожи во всех исследованных странах: существует определённое разделение конфиденциантов на категории, организация работы с каждой категорией предполагает среди прочих шагов обеспечение контроля, который является важным элементом негласной работы, основными мотивами работы конфиденциантов являются материальный и возможность смягчения или освобождения от наказания. Показательно, что в более демократических странах вопросы конфиденциального сотрудничества детальнее урегулированы в открытых нормативно-правовых актах и, соответственно, более часто освещаются в научной литературе.

Список использованной литературы:

1. Кислий А.М. Сприяння громадян оперативним підрозділам органів внутрішніх справ як окрема наукова теорія оперативно-розшукової діяльності. *Боротьба з організованою злочинністю і корупцією (теорія і практика)*. 2010. Вип. 23. С. 37–44. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/boz_2010_23_4 (дата обращения: 02.06.2019).
2. Dodge M. Juvenile police informants: Friendship, persuasion, and pretense. *The Justice Professional*. 2001. № 1(14). Pp. 3–18. DOI: 10.1080/1478601X.2001.9959607.
3. Miller J.M. Becoming an Informant. *Justice Quarterly*. 2010. № 28. Pp. 203–220. DOI: 10.1080/07418825.2010.506881.

4. Innes M. ‘Professionalizing’ the Role of the Police Informant: The British Experience. *Policing and Society: An International Journal of Research and Policy*. 2000. № 9(4). P. 357–383. DOI: 10.1080/10439463.2000.9964823.

5. Manzhai O.V. Special Investigation Activity Comparative Studies. *Internal Security*. 2015. № 1(7). P. 19–37.

6. Оперативно-розшукова компаративістика : монографія / О.М. Бандурка, М.М. Перепелиця, О.В. Манжай, В.В. Шендрик. Харків : Золота миля, 2013. 352 с.: іл.

7. Khalil A. Knock, Knock. Who’s There?: Undercover Officers, Police Informants, and the “Consent Once Removed” Doctrine. *Seton Hall Law Review*. 2011. № 41. P. 1569–1597.

8. Maclin T. Informants and the Fourth Amendment: A Reconsideration. *Washington University Law Review*. 1996. № 74(3). Pp. 573–635.

9. Rebeil M.A. The Undisclosed Informant and the Fourth Amendment: A Search for Meaningful Standards. *Yale Law Journal*. 1972. № 81(4). Pp. 703–725.

10. Ross J.E. Tradeoffs in Undercover Investigations: A Comparative Perspective. *The University of Chicago Law Review*. 2002. № 69(3). Pp. 1501–1541.

11. Мусієнко І.І., Гречин Є.Є. Інститут конфіденційного співробітництва у США: організаційно-правовий аспект. *Проблеми законності*. 2015. № 131. С. 133–144.

12. Халиков А.Н., Яковец Е.Н., Журавленко Н.И. Юридическое, техническое и информационно-аналитическое обеспечение оперативно-розыскной деятельности : учебное пособие / под ред. А.Н. Халикова. Москва : Юрлитинформ, 2010. 472 с.

13. Рахимзода Р.Х. Исламское право и оперативно-розыскная политика. *Мир политики и социологии*. 2016. № 7. С. 81–92.

14. Ходжаев У.Т. Оперативно-розыскная деятельность и содействие лиц в борьбе с преступностью в мусульманском праве. *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук*. 2016. № 1(66). С. 151–161.

15. Marx G.T. The New Police Undercover Work. *Urban Life*. 1980. № 8(4). P. 399–446.

16. Fondevila G. Controlling the Madrinas: the Police Informer Management and Control System in Mexico. *The Police Journal*. 2013. № 86. Pp. 116–142. DOI: 10.1350/pojo.2013.86.2.624.

17. Swanson Ch.M.R., Chamelin N.C., Territo L., Taylor R.W. Criminal investigation, Twelfth edition. New York : McGraw-Hill Education, 2019. 774 p.

18. Marx G.T. Some Reflections on Undercover: Recent Developments and Enduring Issues. *Crime, Law and Social Change*. 1992. № 18. P. 193–217.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Манжай Александр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры информационных технологий и кибербезопасности факультета № 4 Харьковского национального университета внутренних дел;

Давыдюк Вадим Николаевич – кандидат юридических наук, докторант кафедры оперативно-розыскной деятельности и раскрытия преступлений факультета № 2 Харьковского национального университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Manzhay Aleksandr Vladimirovich – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Information Technologies and Cybersecurity of Faculty № 4 of Kharkiv National University of Internal Affairs

solist@ukr.net

Davydyuk Vadim Nikolayevich – Candidate of Law Sciences, Doctoral Candidate at the Department of Operative and Search Activity and Crime Detection of Faculty № 2 of Kharkiv National University of Internal Affairs

УДК 342.1(477)

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ УКРАИНЫ

Андрей НАДУТЫЙ,

преподаватель кафедры тактической и специальной физической подготовки Харьковского национального университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются особенности правового обеспечения территориальной целостности Украины во времена тяжелых испытаний ее государственности, вызванных внешней агрессией и аннексией части ее территории.

Автор отмечает, что в современных реалиях именно правовые механизмы обеспечения территориальной целостности Украины оказались наиболее действенными, поскольку позволили должным образом апеллировать к влиятельным международным организациям. А это, в свою очередь, обусловило широкую поддержку Украины со стороны мирового сообщества.

Подчеркивается роль национальных, в том числе конституционно-правовых актов, как основы для судебной защиты от посягательств на территориальную целостность внутри государства. Доказывается, что именно меры международно-правового характера являются приоритетными при цивилизованном подходе к решению проблемы обеспечения территориальной целостности Украины как на региональном, так и на универсальном уровне.

Ключевые слова: территориальная целостность, правовое обеспечение, государства, сецессия, сепаратизм, аннексия, национальная безопасность.

SPECIFIC FEATURES OF LEGAL PROVISION OF TERRITORIAL INTEGRITY OF UKRAINE

Andrey NADUTYY,

Lecturer at the Department of Tactical and Special Physical Training of Kharkiv National University of Internal Affairs

SUMMARY

The author of the article studies the peculiarities of the legal provision of the territorial integrity of Ukraine during tough time of its statehood, caused by external aggression and annexation of the part of its territory.

The author notes that the legal mechanisms of ensuring the territorial integrity of Ukraine in modern realities proved to be most effective, since they allowed to appeal properly to influential international organizations. And this, in turn, resulted in widespread support to Ukraine by the international community.

The role of national, in particular constitutional and legal acts as the basis for judicial protection against attacks on territorial integrity within the country is emphasized. It is proved that the measures of international and legal nature are priorities in the civilized approach to solving the problem of ensuring the territorial integrity of Ukraine both at the regional and at the universal levels.

Key words: territorial integrity, legal provision, state formation, secession, particularism, annexation, national security.

Постановка проблемы. Проблематика обеспечения территориальной целостности уже существующих государств в начале XXI века выступает одним из глобальных вызовов для всего мирового сообщества. Стремительное развитие сепаратизма и регионализации на политически красивом фоне интеграционных и глобализационных процессов создало, по сути, новую государственную реальность, в основе которой

опять просматривается право силы, а не сила права, что усугубляет уже существующие и создает дополнительные угрозы мировому порядку, одновременно указывая на его институционно-правовую слабость и уязвимость.

На этом неутешительном фоне, как показала практика, обеспечение территориальной целостности Украинского государства становится непростой и незаурядной задачей общественно-